

УДК 94(476):329.15 «1921/1929»

**БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1921–1928 ГОДАХ:
СОСТАВ И ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ***канд. ист. наук, Н.Н. ПАРХИМОВИЧ**(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Анализируется роль сельских партийных организаций КП(б)Б в реализации аграрной политики в годы НЭПа. На первом этапе (1921–1926 гг.) влияние партийных структур на экономику было минимальным, поскольку новая экономическая политика не предусматривала регламентации производства. Каждое крестьянское хозяйство включить в сферу партийного влияния было невозможно. Не позволяло этого сделать и число коммунистов в сельских ячейках (3–10 человек). Одна сельская ячейка охватывала несколько волостей. В 1927 г. партийное и государственное руководство взяло курс на производственную кооперацию деревни. Деревенские ячейки превратились в механизм реализации этой политики. Неготовые к этому сельские коммунисты использовали в отношении крестьян методы принуждения. Применение деревенскими парторганизациями к крестьянам репрессивных мер было обусловлено политикой высшего партийного руководства. Ряд членов деревенских ячеек понимали абсурдность новой линии на селе, но, являясь частью огромного партийного механизма, вынуждены были выполнять навязанные решения. Активного противодействия политике партии со стороны сельских партийных организаций автором не выявлено.

Ключевые слова: сельские партийные организации КП(б)Б, НЭП, аграрная политика.

Введение. Экономические процессы, развивавшиеся в белорусской деревне в 1920-е годы, имели неординарный характер. Это было время поиска путей развития аграрного сектора. Отменив частную собственность на землю, передав её в пользование крестьянства, государство радикально изменило отношения на селе. Однако в начале 1920-х годов компартия, определявшая аграрную политику, вынуждена была уступить «мелкособственническим интересам» крестьянства, предоставив ему право частной инициативы (исключая куплю и продажу земли). Конечная же цель реформирования села оставалась прежней – создание производственных коллективов, которые вытеснят, как предполагалось, индивидуального производителя. Этой установке должны были следовать все члены партии, начиная с рядового коммуниста и заканчивая секретарём ЦК. В этой связи представляет научный интерес позиция членов сельских партийных ячеек, которые непосредственно участвовали в сельскохозяйственном производстве, соприкасались с крестьянством, и на себе ощущали все достоинства и недостатки новой политики.

Цель данной работы – выявить роль сельских партийных организаций КП(б)Б в реализации аграрной политики 1920-х гг. Материалом для исследования стали документы Национального архива Республики Беларусь, областных архивов, исследования белорусских историков, касающиеся проблем аграрной политики указанного периода. Работа проводилась на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Основная часть. Партийные организации на селе в 1920-х гг. не были отдельной замкнутой единицей. Они были включены в целостную систему организационной партийной структуры и непосредственно подчинялись уездным комитетам КП(б)Б, которые состояли, как правило, из 5–7 членов и 2–3 кандидатов. При таком количественном составе основными формами их работы с сельскими ячейками были совещания, рассылки циркуляров, поездки на места для инструктирования и участия в собраниях. Вести целенаправленную индивидуальную работу с каждой ячейкой, а тем более с каждым коммунистом, члены уездного комитета не могли физически. Игуменский уезд, например, состоял из 21 волости. Самая дальняя из них располагалась от центра за 110 – 115 вёрст. Техническими средствами передвижения партийный комитет не обладал. Для этих целей использовали лошадей. Телеграфная связь поддерживалась только с 8-ю волостями. В такой ситуации член уездного комитета партии мог посетить волость не чаще одного раза в месяц, решая при этом неотложные дела.

В 1921–1924 гг. организации КП(б)Б в деревне состояли из 3–4 человек. В работе большинства ячеек отсутствовала плановость, предварительная подготовка вопросов, выносимых на собрание, не было их активного обсуждения. Некоторые ячейки ориентировались на закрытые собрания и таким образом отстранялись от остального крестьянства. С другой стороны, ряд организаций постоянно проводил открытые партийные мероприятия, скорее напоминающие митинги. В обоих случаях на собраниях обсуждались преимущественно вопросы общеполитического характера. Проблемы, касающиеся местного населения, экономические аспекты затрагивались редко.

Представляя по своему происхождению, как правило, беднейшее крестьянство, члены сельских ячеек не имели практики ведения добротного организованного хозяйства. Они ничем не отличались от остальной массы данной категории земледельцев. Получив вместе со всеми землю, крестьяне-коммунисты

только начали осваивать навыки умелого ведения хозяйства. Следовательно, их дворы не могли быть примером рентабельной организации. Члены сельских парторганизаций должны были пропагандировать в теории передовые методы агротехники, призывать к созданию социалистических форм производства на селе, не имея собственного положительного примера.

Коммунистов, непосредственно занимавшихся ведением крестьянского хозяйства, в 1921–1924 гг. в партии было немного. Так, в Сиротинском районе Витебского округа в 1924 г. из 27 739 крестьян-землепашцев лишь 6 были членами КП(б)Б, в Меженском районе из 11 105 их было 8. В этом же году во всём Витебском округе число членов партии, трудившихся в личном хозяйстве, составляло только 4% от общего количества деревенских коммунистов [1]. В свою очередь, лишь немногие из этих 4% могли похвастаться успехами своего двора, в большинстве своём, с трудом справляясь с устройением дел. Это было связано и с объективными трудностями: не хватало инвентаря, рабочего скота, ощущалось малоземелье. Вместе с тем, часть коммунистов не стремилась приложить к хозяйству максимум усилий для его возрождения. Наблюдая, как неплохо устроились их товарищи по ячейке на административных должностях, те, кто работал в хозяйстве, стремились к тому же.

Центральные партийные органы пытались поправить положение дел в ячейках различными способами. Одним из них была отправка коммунистов на работу в деревне. Общими требованиями к таким лицам служили знание жизни села, умение вести пропагандистскую и культурно-массовую работу. Однако таких членов партии катастрофически не хватало. Одна из крупнейших мобилизаций коммунистов прошла в 1924 г. Материалы по Витебскому округу дают общую картину состава направленных большевиков. Для работы в деревне округа было отобрано 30 человек. По профессиональному составу это были помощники заведующих столовыми, экспедитор, помощник прокурора, инструктор уездного исполкома, чернорабочий, представители других профессий. Большинство из них имело смутное представление о крестьянском труде. Из 30 лишь 7 ранее работали в деревне. По уровню образования они распределялись следующим образом: 4 человека имели среднее образование, 2 – домашнее, 24 – низшее, что граничило с безграмотностью. Разумеется, что такой контингент вряд ли мог существенно улучшить работу сельских ячеек и способствовать росту авторитета компартии в деревне. Тем более, что ни один из посланных на село не рекомендовался к ведению собственного хозяйства. Все они были определены на советскую, кооперативную, культурно-просветительскую и иного рода работу вне связи с крестьянским трудом [2].

Второй рычаг, с помощью которого вышестоящие партийные органы пытались улучшить работу сельских ячеек, – организация учёбы сельских коммунистов. Основными формами обучения в 1921–1924 гг. были уездные совпартшколы, марксистские кружки, курсы-съезды, занятия в избах-читальнях, кружки политграмоты. Программы и сроки обучения на каждой из этих ступеней не отличались большим разнообразием. В основном это были вопросы идеологии, внутренней и внешней политики. Проблемы агрономического и экономического характера, организации крестьянского хозяйства затрагивались лишь в совпартшколах и на курсах-съездах, программы которых отводили несколько часов на эти вопросы. Сложности в обучении усугублялись острой нехваткой квалифицированных преподавательских кадров, недостатком материальных средств и соответствующей литературы. По этим причинам процесс обучения растягивался на 5 – 6 месяцев вместо 2 – 5 недель по программе. Сезон обучения был ограничен: учёба была возможна поздней осенью и зимой, когда крестьяне заканчивали полевые работы. Это касалось не только тех коммунистов, которые вели собственное хозяйство, но и всех остальных членов ячейки, ибо последние привлекались в это время к проведению различного рода сельскохозяйственных кампаний.

Понимая, что слабые ячейки – угроза потери влияния партии в деревне, большевистский ЦК в Москве предпринял меры по количественному росту сельских партийных ячеек. Согласно решения XI съезда РКП(б), крестьяне, желавшие вступить в партию, должны были представить 3 рекомендации коммунистов с трехлетним стажем. Учитывая, что такое количество рекомендаций на селе найти было нелегко, XIV конференция РКП(б) приняла решение сократить число рекомендуемых до 2-х человек с двухгодичным стажем. Кроме этого, стали практиковаться командировки партийных работников в деревни, где не было коммунистов, имевших право рекомендации (приезжая в такую местность, члены КП(б)Б давали рекомендации желающим).

Изменение условий приёма привело к численному росту сельских коммунистов. На 1 октября 1927 г. в рядах компартии Беларуси насчитывалось 3027 членов, работавших на селе. Из них 2278 были непосредственно заняты в сельском хозяйстве. При этом 80% вступили в большевистскую партию после 1925 года. Если число сельских коммунистов росло относительно быстро, то их качественный состав менялся медленно. Подводя итоги очередного смотра ячеек в 1926 г., ЦК КП(б)Б отметил рост их числа, но указал, что уровень образования членов партии по-прежнему низок.

Авторитет коммунистов-хозяйственников на селе оставался невысоким. Проведённое комиссией ЦК КП(б)Б в 1927 г. обследование 87 хозяйств крестьян-коммунистов показало, что только 19 из них можно было считать добротными. Остальные дворы находились в запущенном состоянии. Наряду с объективными причинами такого положения (нехватка инвентаря, качественного посевного материала, денежных средств), комиссия назвала и субъективные – стремление крестьянина-коммуниста оставить своё хозяйство и уйти в город или же остаться в деревне, но земледельческим трудом не заниматься.

Было ещё одно обстоятельство, не способствовавшее совершенствованию хозяйства крестьянами-коммунистами. Стоило такому крестьянину окрепнуть, как ответственные партийные работники спешили обвинить его в проявлении «кулацкого уклона». Такие случаи были отмечены комиссией, например, в Койдановском районе.

К 1925–1927 гг. со стороны деревенских коммунистов по-прежнему не наблюдалось стремления вступить в колхоз. Объясняя причину данного факта, комиссия ЦК КП(б)Б, изучавшая в 1927 г. положение дел в парторганизациях на селе, констатировала: «...многие коммунисты рассуждают, что эта форма (колхозы) в данное время и при данных условиях трудно применима и стремления на селе переходить к ведению хозяйства нет» [3]. В Витебском районе в результате опроса членами комиссии окружкома КП(б)Б выяснилось, что из 16 членов и 12 кандидатов партии, работавших в деревне, никто не изъявил желания вступить в колхоз.

Ситуация изменилась после XV съезда ВКП(б), который положил начало кампании по созданию сельскохозяйственных производственных объединений. На долю сельских парторганизаций легла основная нагрузка по осуществлению съездовской директивы в области хозяйственного строительства в деревне. Стремясь выполнить решения съезда, испытывая давление со стороны отделов по работе в деревне при ЦК и окружкомах, партийные органы в районах требовали от сельских ячеек активизации работы по организации кооперативов, главным образом, производственных. Уже через 2 месяца после организации отдела по работе в деревне бюро ЦК заслушивает отчёт о работе 40 сельских ячеек. Анализ их работы свидетельствовал, что деревенские коммунисты плохо представляли свои задачи в новых условиях. С учётом этого факта бюро ЦК КП(б)Б конкретизировало задачи деревенских парторганизаций. Обратив внимание на важность организации колхозов, ЦК обязало коммунистов создавать коллективные хозяйства и вступать в них; предлагалось развернуть широкую работу по развитию системы сельскохозяйственного кредита и контрактации, совершенствованию системы налогообложения и землеустройства, усилить агромическую пропаганду среди крестьян.

Партийное руководство понимало, что прежнее число сельских ячеек не справится с такими задачами. Поэтому процесс создания новых парторганизаций в деревне ускорился. Неспешный естественный рост сменяется резким скачком. Динамика строительства ячеек на селе достаточно показательна: 1922 г., март – 67; 1923 г., февраль – 94; 1924 г., февраль – 108; 1925 г., июль – 318; 1926 г., июль – 399; 1927 г., октябрь – 432; 1928 г., июнь – 650. Таким образом, только с октября 1927 г. по июнь 1928 г. число парторганизаций в деревне выросло на 218 единиц, в то время как с июля 1926 по октябрь 1927 г. рост составил лишь 33 единицы [4].

К 1928 г. труженики деревни ни психологически, ни экономически не исчерпали потенциала индивидуального хозяйствования. Они не были готовы отказаться от своего двора и сменить форму производства. Предыдущие действия государственных и партийных структур, наглядный пример работы окружающих колхозов оказались недостаточными, чтобы склонить крестьян к коллективному производству. В этих условиях логичным было бы неспешное, постепенное становление коллективного хозяйствования на селе и совершенствование качественного состава и работы ячеек. Вместо этого к сельским парторганизациям предъявляются всё более жёсткие требования. Суть их одна: ускорение процесса создания колхозов. В марте 1928 г., например, бюро ЦК КП(б)Б, заслушав отчёт о работе Полоцкой окружной организации, потребовало: «...енергічна развярнуць работу па каляктывізацыі і кааперацыі вясковых камуністаў». Обыденностью стали команды и угрозы, их высказывали не только в адрес рядовых коммунистов. Так, на заседании пленума Всебелорусского совещания земельных работников Н.М. Голодод похвастался, что он отчитал наркома торговли Адомайтиса за провал заготовок льна у кооперативов. После попыток последнего оправдаться глава правительства заявил: «Или ты сядешь, или ты должен посадить того, кто так долго возил тебе эти ложные справки» [5, с. 138].

Ещё более резкими и грозными предстают формулировки Ноябрьского 1928 г. Пленума ЦК КП(б)Б. В принятой резолюции отмечалось, что партийные ячейки в деревне должны быть особо бдительны в борьбе против правого уклона. Несогласные с курсом партийного руководства в деревне автоматически становились правыми уклонистами. На места следуют директивы с угрозами в адрес коммунистов, не выполняющих решения о борьбе с «правым уклоном». Парадокс ситуации заключался в том, что сельские коммунисты, получавшие их, не имели никакого представления о том, что такое этот «правый уклон».

Поставленные в сложное положение политикой центрального руководства партии, сельские ячейки были вынуждены применять чрезвычайные меры незаконного характера: изъятие материальных ценностей у крестьян; лишение их льгот по налогу и даже арест нежелающих вступать в колхоз или невыполнявших задание по налогообложению. В ряде мест эти действия приобрели широкий размах, и вышестоящие органы вынуждены были останавливать наиболее активных. Так, Гомельский окружком в специальной директиве потребовал прекращения применявшихся в округе мер «активизации» сознательности крестьян.

Заключение. Таким образом, в 1921–1927 гг. влияние партийных структур на экономику деревни было минимальным. Проводимая в эти годы Новая экономическая политика была несовместима с регламентацией производства на селе. Каждое крестьянское хозяйство включить в сферу партийного контроля

и влияния было невозможно: общее число коммунистов в сельских ячейках не позволяло этого сделать на местах. Большинство партийных организаций на селе в этот период состояло из 3 – 10 человек, а одна сельская ячейка приходилась на несколько волостей. Изменение аграрной политики, предпринятое руководством страны в 1928 г., отразилось и на деятельности сельских парторганизаций. Реализация выработанных установок на ускорение производственного кооперирования деревни, не готовой к такому повороту, вынудило сельские ячейки активно вмешиваться в экономические процессы. Высшие партийные структуры определяли характер и направление развития, а деревенские ячейки проводили в жизнь спускаемые сверху решения. Неготовые к резкой смене курса, но вынужденные подчиниться партийной дисциплине, сельские коммунисты использовали в отношении крестьян методы принуждения. Применение деревенскими парторганизациями репрессивных мер в отношении односельчан было обусловлено политикой высшего партийного руководства в аграрном секторе. Ряд членов деревенских ячеек понимали абсурдность новой линии на селе, но, будучи частью огромного партийного механизма, вынуждены были выполнять навязанные решения. Активного противодействия политике партии со стороны сельских партийных организаций автором не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 13. – Л. 99.
2. ГАВО. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 857. – Л. 13.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. – Л. 625.
4. Подсчитано по: Волохович, Л.И. Партийное строительство в Белоруссии в первые годы нэпа / Л.И. Волохович. – Минск : Изд. Мин-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – С. 106; Звезда. – 1927. – 13 января. – С. 3; 1928. – 1 июня. – С. 2
5. Мікула, Я.І Фарміраванне камандна-адміністрацыйных метадаў кіраўніцтва кааператыўным рухам у беларускай вёсцы у 1926–1928 гг. / Я.І. Мікула // Старонкі гісторыі Беларусі : зб. арт. / М.М. Крывальцэвіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 157 с.

Поступила 18.06.2020

BOLSHEVIK ORGANIZATIONS IN THE BELARUSIAN COUNTRYSIDE IN 1921–1928: COMPOSITION AND INFLUENCE ON ECONOMIC PROCESSES

N. PARKHIMOVICH

The role of rural party organizations of the CP(b) in the implementation of agricultural policy during the NEP years. At the first stage (1921-1926), the influence of party structures on the economy was minimal, since the new economic policy did not provide for regulation of production. It was impossible to include every peasant farm in the sphere of party influence. The number of Communists in rural cells (3-10 people) did not allow this to be done. One rural cell covered several parishes. In 1927, the party and state leadership set a course for industrial cooperation in the village. Village cells have become a mechanism for implementing this policy. The rural Communists, who were not ready for this, used methods of coercion against the peasants. The use of repressive measures by the village party organizations against the peasants was determined by the policy of the highest party leadership. A number of members of village cells understood the absurdity of the new line in the countryside, but, being part of a huge party mechanism, they were forced to implement the imposed decisions. The author did not reveal any active opposition to the party's policy on the part of rural party organizations.

Keywords: rural party organizations of the CP(b), NEP, agricultural policy.